

Проблемы

У ЛЮБОЙ МЕДАЛИ ЕСТЬ ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

Разговор о профессиональных рисках

Записала **М.ГАНЬКИНА**

Классный руководитель словно канатоходец. Ему всегда приходится балансировать между чёткими обязанностями и сиюминутной ситуацией, между ролью педагога, классного руководителя, воспитателя и сугубо человеческим, личным взглядом на происходящее. Как быть? Действовать по ситуации или только строго по правилам? Что опаснее — проявить жёсткость или мягкотелость? И что важнее для ученика — уверенность в своей неприкосновенности или ощущение незыблемости порядка?

Как показал разговор между учителями Москвы, Петербурга и Екатеринбурга, в сегодняшней школьной практике эти сомнения по-прежнему (и даже ещё сильнее) одолевают любого совестливого учителя.

«Что за бумажка — никто не знает»

Реплика Т. З., учительницы литературы из Москвы

— У моей коллеги по школе случилась в классе не очень красивая история. И на классном часе она чуть-чуть эту ситуацию с детьми обсудила. Причём у неё был мотив заступиться за одну девочку. А девочку это почему-то травмировало.

Так вот, мама девочки написала жалобу директору: мол, классный руководитель не имела права при всех обсуждать мою дочь.

Когда учительницу вызвали к директору, она попросила показать ей функционал классного руководителя, где были бы прописаны все его обязанности.

Директриса долго рылась, но какую-то бумажку нашла. Что за бумажка — никто не знает. Местная, районного начальства или выше? Но там, к счастью для учительницы, была формулировка, что защищать обиженного перед всем классом она как раз была обязана.

«Раньше такое бы в голову не пришло»

Реплика Д. Г., учителя биологии из Подольска, Московская обл.

— Мне кажется, сейчас по степени риска учителя даже в худшем положении оказались, чем ученики.

129

Сведения
об авторах
[143 - 144]

Возьмём типичную для средней школы ситуацию. Вот идёт всплеск подросткового протеста. Как раньше ученик мог выразить свой протест? Ну, покурит за углом школы назло учителю. Ну, напишет на заборе: «Пётр Иванович — педераст». Ну, сорвёт урок... Теперь же подростки получили в руки инструмент мощнее — идею о том, что на учителя можно подать в суд.

Все СМИ только и озабочены защитой прав ребёнка. Теперь у любого подростка возникает впечатление, что в любом протесте его поддерживает общественное мнение. И он нам, учителям, даёт понять: «Не доводите меня до протеста».

Я не удивлюсь, если вскорости мне будет рассказана история (и не одна!), что на учителя подали в суд за сексуальное домогательство. У нас уже была похожая история. Девочка обвинила учителя в том, что он будто бы как-то особенно к ней прикоснулся. А на самом деле у девушки (которая, кстати, очень эротично себя вела) просто с учёбой откровенно не ладилось — вот и нашла управу на учителя.

Мне кажется, что этой девочке раньше бы такое просто в голову не пришло! Тройка или двойка, несправедливо якобы поставленная, — это максимум, на что могли пожаловаться директору. Но сейчас воздействовать на учителя подобными аргументами стало считаться нормальным.

И теперь если какой-нибудь озлобленный ученик захочет отомстить учителю, то подобная ситуация всегда возможна.

«Куют Павликов Морозовых»

Реплика К. С., учительницы начальных классов из Екатеринбурга

— Буквально на днях видела по «ящику» передачу. Затащили, значит, в студию несчастного ребёнка из семьи алкоголиков. Вокруг — куча дядь и тёть, и все якобы хотят помочь. Расспрашивают о трудностях жизни. Заставляют рассказывать подробности, испытывать ненависть к родителям. Куют Павликов Морозовых. Убеждают подать на родителей в суд. Ребёнок, дескать, должен знать свои юридические права. Вот тебе социальные педагоги, вот тебе адвокат, вот тебе директор школы — и все тебе, мальчик, тут же помогут. Ага, сейчас кончится программа — так сразу и помогут...

Телевидение манипулирует чужой бедой. Оно деньги делает на человеческой боли. А знает ли оно о том, каково жить в приюте? Да ещё с ярлыком Павлика Морозова?

[105 – 111]
Сценарии
и алгоритмы

130 ▶

История с мобильником

Реплика Л. Ю., учительницы математики из Екатеринбурга

— Вот история из Интернета. Старшеклассники засняли на мобильник, как учительница толкает ученика и тот ударяется головой об доску. Через родителей они подали на неё в суд. Честно говоря, не знаю, чем закончилось судебное разбирательство...

Но ведь это запросто могла быть фальсификация! Учительница говорит, что она, наоборот, пыталась ученика от кого-то оттащить, что это была самооборона, что её спровоцировали...

И таких случаев сейчас всё больше. В том числе и грязных, когда кого-то пытаются подставить. В них потом без следствия не разберёшься. Учительница может сколько угодно бить себя в грудь и твердить: «Я честная, я честная...» А родитель ученика будет говорить: «Не верю я ей. Это она теперь себя выгораживает».

«Управа на них нужна»

Реплика П. С., учителя обществознания из Петербурга

— Даже в современной ситуации правового государства нет механизмов, которые бы защищали учителя. Если на уровне ЮНЕСКО прописаны права ребёнка, то должны быть прописаны и права учителя. Есть такие права? Нет.

Вот и получается, что профессия учителя — опасная профессия. Связана с профессиональным риском. Особенно сейчас, когда не только в школе, в обществе царит беспредел.

Нужна управа на современных детей, которые думают, что им всё позволено. Вызвать родителей, отвести к директору — не помогает. Тогда заявление в милицию. Учинил хулиганство — получай.

«Как ни поверни...»

Реплика М. Г., учительницы литературы из Реутова, Московская обл.

— Есть учителя, которые всё по букве закона будут делать, но дети найдут способ их прищучить. А есть учителя, которые могут даже врезать, но дети никогда их не заложат, потому что верят в их искренность, любовь и бескорыстие.

История вспомнилась. В присутствии учителя выматерился старшеклассник. Учитель схватил его за шкирманку, отволол в туалет и опустил мордой в унитаз. Это реальный случай.

А через несколько лет этот учитель встретил парня на рынке, тот торговал дынями. И когда парень увидел учителя, то страшно обрадовался, кинулся ему на шею и сказал: «Если бы не вы, я бы сейчас в тюрьме сидел».

То есть что-то кардинальное учитель для судьбы того парня тогда сделал. Но это тогдашняя советская школа. А теперь представь такой же самый случай вот на нашей теперешней почве, когда каждый учитель осторожничает...

Вспомните американские фильмы тридцатилетней давности. Там мы видим конечный результат той тенденции, когда учителя реально боятся своих учеников. Учитель боится и даже повысить голос себе не позволяет. Он пришёл в класс, тихонько новую тему объясняет, а дети на ушах стоят. И только редкие единицы из учителей пытаются проявлять твёрдость. Был такой фильм с Томом Беренджером — так там вообще дошло до смертоубийства. Правда, район был бандитский и всё такое, но, я думаю, сама атмосфера передана правильно.

С другой стороны... Я вот сейчас вспоминаю советскую школу. Тогда, наверное, редкий учитель так или иначе не прибегал к рукоприкладству. Но в советской школе не было почвы, для того чтобы из этого что-то дальше раздувать. Конечно, и такой порядок по-своему плох, потому что были случаи ужасного злоупотребления. В моей собственной школе работала учительница, которая младшеклассников об стенку головой прикладывала.

Как ни поверни, а есть другая сторона у любой медали. Так что в этом разговоре невозможно поставить точку.

«Вот такой факт»

Реплика М. В., учительницы словесности из Москвы

— Учительница вызывает в школу милицию и подаёт в суд на мальчишку, который распылил в классе баллончик с газом.

Учительница опаздывала на урок. А дети дурака валяли. И один из парней подначивал этого нашего мальчишку: пылни из баллончика да пылни! Тот и пылнул сдуру, причём мальчишка-то хороший!

Учительница вошла в класс и стала задыхаться — оказалась астматиком. Минут пять она задыхалась. А потом вызвала милицию. На мальчишку завели уголовное дело.

И другая история. Была знаменитая школа полного дня Костяшкина в 50-е годы в Москве. Костяшкин устроил трудовую школу и собрал в неё самое, что называется, отребье с улиц — детей войны и так далее. А управленцам понадобилось эту замечательную школу как-то дискредитировать, чтобы потом закрыть.

И вот управленцы приходят в ближайшее отделение милиции, чтобы собрать на детей компромат — кто и за что привлекался. И вдруг выясняется, что ни одной жалобы ни на одного из воспитанников от учителей школы не поступало. Ни одной! Хотя дети там были все трудные, уличные... Такая была степень уважения и доверия учителя и учеников друг к другу.

Вот такой факт на фоне того, что сейчас происходит.

«Должен быть какой-то документ»

Реплика С. П., замдиректора школы по научной работе, Москва

— Даже в монастыре есть устав. Я думаю, что должен быть какой-то документ, который регулирует внутришкольные отношения. И он должен быть составлен цивилизованно.

Пусть в этом уставе будет чётко сказано: «В школе запрещено находиться с мобильными телефонами». И тогда родителям можно сказать: «Хотите, чтобы ваш ребёнок пользовался мобильником — пожалуйста, идите в соседнюю школу».

Тогда всё будет ясно и предсказуемо: есть школа, и есть определённый тип отношений в этой школе. Этот тип отношений закреплён в уставе. Человек, который приходит в школу, сразу выясняет: «Что у вас за школа?» — «Да вот, у нас

государственная школа». — «А что вы гарантируете?» — «То-то и то-то, в уставе записано. Пожалуйста, ознакомьтесь. Устав так-то и так-то регулирует отношения между учениками и учителями, учителями и родителями».

И тогда любой учитель может сказать родителю: «Я вот такой-то и сякой-то, и если вы хотите отдать ребёнка в мой класс, то я буду вести себя с ним так-то и так-то. Если что — врежу. Согласны?» — «Согласны». И ребёнок знает, что его родители согласны.

Каждая школа имеет право на свой устав.

Третейский судья

Реплика С. В., учителя математики из Москвы

— Любой договор всегда подразумевает наличие третьей (незаинтересованной) стороны. То есть должен быть в школе какой-то арбитр, внешний по отношению к участникам. И в этом смысле есть определённая гарантия, что он будет добиваться справедливости.

Таким третейским судьёй, например, был «суд чести» в школе Тубельского. На выборной основе в него входили учителя, родители и дети. И там рассматривались разные тяжбы: между учениками, между родителями и учителями, между учителями и учениками. Суд выносил приговор вплоть до увольнения учителя и исключения из школы ученика. Разные случаи были... Ну да не мне судить об этом.

Ясно одно — есть такое-то правонарушение, и за ним должно следовать такое-то наказание. Другое дело, что непонятно, кто именно должен поймать за руку, уличить в правонарушении, отвести туда, где последует наказание...

Опять гадость получается. Стоит это легализовать и объяснить каждому ученику, что в случае, если тебя обидели, ты идёшь к директору, вот устав, вот такое-то наказание... Начнётся та самая гадость.

Отчего всё это происходит? Преступления, наказания, тяжбы, суды... Всё происходит от лжи. В основе всего — ложь и амбиции взрослых. Не делайте образование обязательным! Не надо тащить детей за шкуру в школу и причинять им добро вот таким вот образом!..

Поступай по совести

Реплика Б. П., учителя географии из Серпухова, Московская обл.

— Стратегия тут, по-моему, одна: плюнуть на то, что тебя могут топтать и склонять, и жить честно. У меня есть представление о хорошем и плохом, о добром и злом. У меня есть представление о том, что ребёнку полезно и что вредно. И, исходя из этого, я действую. Так написано в русской литературе: поступай по совести.

Определяя меру воздействия на других, я прежде всего требователен по отношению к себе. Если я слушаю других, не перебивая, если я тоже учусь, а не только заставляю учиться других, то тогда ко мне претензий вообще ни от кого

не будет. Ни от детей, потому что они меня будут уважать, ни от родителей, потому что они будут видеть, что дети имеют реальную пользу от нашего общения.

Я хочу быть самим собой и не хочу входить ни с кем в правовые отношения. Кому это интересно, пускай этим занимаются. С помощью привлечения в суд человека более честным сделать нельзя. Честность — это иррациональная вещь, её невозможно добиться драконовскими мерами. Мы знаем, что самые лживые люди — адвокаты. Это люди, которые с правом на короткую ногу. Для адвоката главное — отстоять права своего подзащитного, и он так выворачивает закон наизнанку, чтобы его клиент был защищён. Ну и что это, как не ложь?

Я никогда не пытался регулировать отношения между собой и ребёнком с помощью устава или какой-то бумаги. Я доверял человеческим отношениям. И я пытался быть честным по отношению к детям. Поэтому единственное, что я могу другим учителям посоветовать, — быть честными, вот и всё. Или понять, что ты не педагог, и уйти из школы.

Закон внутри тебя

Реплика В. Б., школьного психолога из Петербурга

— Мы идём к цивилизации общественного порицания.

Одна ситуация — это когда закон внутри тебя. И он постепенно в тебе вырастает, и ты сам регулируешь свои отношения. Ты себя уважаешь и других людей уважаешь.

А другое дело, когда ты себя всё время ощущаешь человеком на виду и за тобой будто бы все следят. Не дай бог, ты «бычок» мимо урны бросил. Не дай бог, ещё что-то не то сделал.

Это тупик. Из такого общества надо бежать. Собирать чемоданы и бежать. Я не знаю куда, может быть, в лес. Но это просто тупик. На таких принципах была построена вся античная мораль. Главный рычаг — человек выводится перед всеми и пристыжается. Что у него возникает — покаяние или озлобленность? Озлобленность. Никогда в такой ситуации человек не покается.

Покаяние — это внутренний процесс. А когда выводят перед всеми и говорят: «Ты такой-сякой», — то ничего, кроме озлобленности, это не вызовет. Мы возвращаемся в первобытную мораль, но на совершенно новом уровне, как бы цивилизованном. На мой взгляд, это тупик. Безнравственный тупик общества. Ладно, образование. Главное — общество деградирует.

Нет, закон нужен, безусловно. Закон должен регулировать взаимоотношения между людьми и обществом. Но мы сейчас переходим далеко за эту грань. Нам в голову не приходит руководствоваться христианскими принципами. Например, просить друг у друга прощения.

У меня была ситуация, когда директриса обратилась ко мне в критической ситуации как к психологу: «Скажите, что мне делать? Вот девчонка совсем охамела, десятиклассница». А девочка пришла недавно в школу, и видно было, что она у нас отогрелась.

— А в чём она охамела? — спрашиваю.

— А она мне сказал: «Не хочу этого учителя!»

Ну, учитель тот и, правда, был недалёкий. Человек хороший, но как он выполнял свою работу — это было ужасно. Там математикой и «не пахло». Девочка это поняла. Математика ей нравилась. И она, естественно, говорит: «Замените учителя». И в письменном виде кладёт на стол директору школы заявление.

А директор в ответ взорвалась: «Что это такое?!» Накричала, вкатила ей «по первое число». То есть сначала сорвалась на девочку и только после этого меня спрашивает: «А что мне теперь делать?» Я говорю: «Извиниться». — «Да я... перед этой... да никогда...» Я ей объясняю: «Если вы сейчас не извинитесь, то всё, что мы с ней наработали, пропадёт. Все наши результаты пойдут насмарку, и девочка уйдёт».

Я считаю, что иногда надо попросить прощения даже формально. Если директор у ученика формально просит прощения: «Слушай, извини, я была не права. Это я тебя сгоряча отругала. Конечно, надо разобраться с этим учителем. Мы посмотрим. Давай вместе сядем, поговорим. Что ты имела в виду, когда это писала?» Это совсем другая ситуация.

Ведь почему девочка начала писать директору? Она вдруг почувствовала, что к ней наконец стали прислушиваться, что она может как-то сама повлиять на ситуацию. А тут её опять поставили на место, проявили неуважение. Ну и всё. Буквально через полгода она распоясалась вконец, стала такой, какой была при поступлении. И перешла в другую школу. Очень жаль.

История с выпивкой

Реплика С. В., учителя из Москвы

— Я ученикам привык доверять. И вдруг ЧП: я поехал с классом за город, и один из моих парней напился. Я, конечно, по дороге уточнил, что пить нехорошо вообще и в походе в частности. Но у каждого есть определённая мера свободы.

Когда мы пошли за продуктами в ближайшую деревню, Саня меня спрашивает: «А можно я куплю бутылку пива?» Я же не буду звонить министру образования о своих правах и сверяться с законодательством! Я реагирую на конкретную ситуацию и вижу, что если ему сейчас не разрешить, он всё равно купит. А если я ему разрешу, то в каком-то смысле соблюду меру, то есть ограничу его: одну бутылку ты можешь купить, но только одну.

И я ему говорю: «Можешь купить строго одну бутылку». А в результате он вместо пива покупает две бутылки водки, две бутылки мартини (он из состоятельной семьи) и после поит всю группу. Напивается сам, напивается его товарищ, и ночью его приходится откачивать. Не того, кто выпивки накопил, а второго, который, как он потом сам сказал, «на халяву позарился».

По идее на меня стоило наложить административное взыскание. А если совсем уж строго рассуждать, то за такое вообще надо бы увольнять. Но для меня важно не взыскание. Меня совсем другое в этой ситуации волнует. Если я педагог, то встаёт вопрос не административный, а педагогический.

С этим молодым человеком у меня были очень хорошие отношения, более того, доверительные. Он часто приходил ко мне в гости, мы с ним обсуждали его личную жизнь. Но после того, что произошло, я с ним больше не общаюсь. И не

буду общаться, потому что он меня предал. Не в том дело, что я к нему плохо отношусь. Я к нему по-прежнему хорошо отношусь. Но я теперь знаю, что и в следующей ситуации он меня подставит.

Такой отказ от общения может стать для кого-то хорошим уроком.

В моей жизни был случай, который невозможно представить в современной школе. Она же теперь якобы правовая. Я тогда учился в педагогическом училище. Училище называли «шестьсот баб и один прораб», потому что из парней там учился один я. Остальные — девчонки.

В сентябре мы поехали «на картошку». Осень, холодно, Москва-река, картофельное поле. И был у нас руководитель, назовём его Сан Саныч.

В один из трудовых будней, когда все закончили собирать картошку и уже влезли в автобус, ко мне вдруг подходят две девочки и говорят: «Слабо искупаться?» Я у Сан Саныча и спрашиваю: «Можно я сейчас быстро искупаюсь?» — «Нет. В автобус — и поехали».

Но девочки меня всё-таки зазвали. Мы с берега спустились, чтобы нас видно не было. Я быстро разделся до трусов, залез в эту леденящую воду, искупался, оделся... Но автобус за это время успел уехать.

И я, и девочки шли по трассе километра три-четыре. По пути козьего молока купили. И вот я, такой наивный, подхожу в лагере к Сан Санычу и говорю: «А мы для всех молока купили». В ответ вижу металл в глазах, как будто я его предал.

Что получилось? Я пошёл ко взрослому спрашивать — значит, рассчитывал на его разрешение. Он запретил, а я его запрет нарушил. И он решил, что со мной нельзя иметь дело, потому что в определённый момент я снова подведу его в такой вот щекотливой ситуации.

Моя (уже учительская) история с выпивкой — она ведь абсолютно зеркальна той ситуации, которую я создал на картошке, будучи студентом педучилища. И я понял, что для меня очень полезным было, что Сан Саныч больше никогда со мной не общался. Он, кстати, потом уволился. Но всё то время, пока он ещё работал в училище, он никогда со мной не разговаривал. Я уверен, что для того мальчика, который нашу с ним договорённость нарушил, тоже было полезно, что я ним не захотел больше дела иметь.

Никаких правовых моментов здесь нет. Но такие живые человеческие решения — это, по-моему, самые лучшие нравственные уроки, которые мы можем преподать друг другу.